

ПСИХОЛОГИЯ
ЛИЧНОСТИ

РОЛЬ ОТЦА В ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

© 2007 г. Н. Е. Харламенкова

Доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН, Москва

Анализируется роль отца в формировании гендерной идентичности. Показано, что мужское влияние в представлении подростков и юношей проявляется в отказе от недифференцированного восприятия субъекта по признакам маскулинности и фемининности. В отличие от матери, отец стремится к принятию мальчика и юноши, девочки и девушки соответственно как маскулинной или фемининной личности. Обсуждается характер взаимных эмоциональных оценок взрослых и детей, коммуникативные стратегии матери и отца, а также механизмы отцовского влияния на гендерную идентичность ребенка.

Ключевые слова: гендерная идентичность, маскулинность, фемининность, андрогинность, недифференцированность, отец, мать.

Серьезные проблемы в развитии ребенка традиционно ассоциируются с характером семейных отношений. В качестве предикторов адаптивно-дезадаптивного поведения дошкольника и подростка выступают структура семьи, родительские установки, стили воспитания, ролевые предпочтения и многое другое, что связано с особенностями семьи в целом [14, 15]. Специальная роль в когнитивном и личностном развитии ребенка отводится матери, которая является для него первым значимым объектом [2–5, 13, 16, 17].

Авторы указывают, что при установлении дефицитарных отношений в диаде “мать–дитя” “в случае неполного, недостаточного, несистематического ухода за ребенком, отличающегося чрезмерной тревогой, гиперопекой, грубостью, ригидностью, общей непоследовательностью, нерегулярностью, избыточной стимуляцией или просто непониманием и безразличием” [1, с. 37], есть вероятность формирования “базисного дефекта” (М. Балинт), “депрессивной тревоги” (М. Кляйн), “тревоги сепарации” (Дж. Боулби), “грандиозной самости” (Х. Кохут), различных психосоматических отклонений и патологий (анорексии, астмы, энуреза, энкопреза, эритрофобии, гипергидроза и др.). И наоборот, тесные, аффилиативные контакты с матерью способствуют развитию психически здоровой цельной личности [8, 9].

Наряду с активным изучением роли матери участие отца в развитии ребенка часто недооценивается. Например, в исследованиях, посвященных проблеме перерастания диадических отношений в триадические, т.е. тому моменту, когда отец начинает встраиваться в так называемую

“трансактную спираль” (Т. Бенедек), его влияние на развитие ребенка описывается сугубо негативно либо формально. Ж.-Ж. Люстен в главе “Клиника детского возраста” “Психоаналитической патопсихологии” кратко отмечает, что постепенно “в эту “спираль” включается **отец**, хотя точно датировать его появление невозможно... Если вначале он представляет собой лишь парциальный объект... или элемент “сочлененного родителя”, то по мере развития он индивидуализируется” [3, с. 287]. Подобное замечание несколько не проясняет характер воздействия отца на внутренний мир ребенка, а лишь указывает на наличие и, по-видимому, необходимость учета такой важной детерминанты, как мужское влияние.

Существуют работы, в которых функции отца описываются достаточно четко. По мнению Й. Шторка, отец занимает крайне важную позицию третьего альтернативного объекта в отношениях “мать–дитя”, и в случае его отсутствия ребенок лишается “символической функции отца, а поэтому вынужденно застревает в симбиотическом единстве с матерью” [12, с. 185]. Продолжая обсуждение этой темы, Шторк отмечает, что отец помогает ребенку выйти из диады с матерью, избавиться от материнской зависимости, обеспечивая ему свободное личностное развитие. Кроме ослабления симбиотических отношений с матерью отец способствует переживанию агрессивных побуждений, эксплицирует и поддерживает в ребенке самобытность, определяет его позицию в мире как относительно независимого субъекта. “Отец – это тот, кто не испытывает страха перед матерью, кто может избежать воздействия воображаемого всемогущества материнского образа, кто свободен” (цит. по [12, с. 190]). Отцовское влияние не ограничивается сепарационными

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 06-06-00273а).

процессами, которые, взятые сами по себе, могут показаться излишне демонстративными. Мужское начало определяет детали развития, запускающая сложнейшие психологические механизмы, направленные на дифференциацию психических особенностей, иногда болезненное, но при этом откровенное выявление сильных и слабых позиций ребенка в процессе его интеллектуального и личностного развития.

Одной из наиболее значимых сторон формирования внутреннего мира личности является становление половой идентичности, нередко напрямую соотносимой с биологическим полом индивида. С нашей точки зрения, разведение понятий половой и гендерной идентичности достаточно условно, поскольку социальные стереотипы, ассоциирующиеся с гендером, усваиваются при понимании субъектом своей половой принадлежности и ее принятии–непринятии. В данной работе нами используется понятие “гендер” на основе сложившейся традиции выделения таких гендерных черт (признаков), как маскулинность, фемининность и андрогинность.

Предмет исследования – дифференциация маскулинных и фемининных признаков в гендерной идентичности в зависимости от представления о себе субъекта оценки (подростка, юноши/девушки), воображаемого мужчины (отца) и воображаемой женщины (матери).

Цель исследования – определение различий в представлении подростков о себе в зависимости от воображаемого субъекта репрезентации – отца или матери.

Были сформулированы следующие предположения.

Гипотеза 1: в подростковом возрасте наблюдается снижение дифференциации признаков маскулинности и фемининности, что, как нам представляется, связано со вступлением ребенка в период пубертата и с появлением негативного отношения к новой телесности.

Гипотеза 2: наиболее явные гендерные различия между мальчиками и девочками проявляются к юношескому возрасту.

Гипотеза 3: в представлении мальчиков/девочек, юношей/девушек мужчины склонны к более дифференцированной оценке их идентичности по признакам маскулинности–фемининности, чем женщины.

МЕТОДИКА

В исследовании приняли участие 109 подростков 13–14 лет (56 девочек и 53 мальчика), а также юноши/девушки 18–19 лет в количестве 76 чел. (42 девушки и 34 юноши).

В качестве методик исследования применяли тест “Маскулинность и Фемининность” (МиФ) –

модифицированный вариант списка маскулинных и фемининных качеств, предложенных Т.Л. Бессоновой, и Тематический апперцептивный тест Г. Мюррея (ТАТ).

МиФ включает в себя перечень из 22 слов, обозначающих маскулинные, фемининные и нейтральные по отношению к симптомокомплексу маскулинности–фемининности признаки [11]. Процедура тестирования состоит в том, что испытуемый последовательно работает с восемью незаконченными предложениями: “На самом деле я...”, “Хотелось бы, чтобы я был...”, “Мужчина должен быть”, “Женщина должна быть...”, “Мужчины считают, что я...”, “Женщины считают, что я...”, “Мой реальный сексуальный партнер...”, “Хотелось бы, чтобы мой сексуальный партнер был...”, завершая их каждым из 22 слов стандартного списка признаков. При этом отмечается именно тот вариант ответа, который, по мнению обследуемого, подходит к нему в наибольшей степени (“всегда”, “обычно”, “иногда”, “никогда”). Например, заканчивая предложение “На самом деле я...” словом “смелый”, испытуемый может выбрать ответ “иногда”, если он считает себя скорее трусливым; “обычно”, если чаще всего он отважен; или крайние варианты ответов, если он безусловно смел или труслив. При обработке результатов производится подсчет профиля маскулинности–фемининности по каждой из категорий. Если значения фемининности превышают 17 баллов, а показатели маскулинности – ниже этой границы, такой тип личности называется *фемининным*; если маскулинность выше, а фемининность ниже 17 баллов, тип идентичности обозначается термином *маскулинный*. Если оба показателя выше нормы, то они соответствуют *андрогинному* типу. Низкие значения по обоим показателям характеризуют *недифференцированный* тип идентичности. В настоящем исследовании по соображениям морали были исключены два последних незаконченных предложения.

Следует, однако, уточнить детали, которые касаются таких объектов теста, как “Мужчина” и “Женщина” (инструкции “Мужчины считают, что я...”, “Женщины считают, что я...”). Мы предполагали, что для подростков “Мужчина” и “Женщина” ассоциируются с образами отца и матери. Наши догадки были подтверждены результатами опроса испытуемых, который проводился после тестирования. Цель беседы состояла в том, чтобы выяснить, кого именно имели в виду подростки, работая с тестом. Большинство опрошенных респондентов называли отца или мать либо заменяющих их людей. Данная тенденция сохраняется и в раннем юношеском возрасте. В разные периоды взрослости ассоциация объектов “Мужчина” и “Женщина” с образами отца и матери становится слабовыраженной.

Таблица 1. Медианы признаков маскулинности (*M*) и фемининности (*F*) объектов: женщина, мужчина, Я-реальное, Я-идеальное, Я в представлении женщин и мужчин

Инструкция	Девочки		Мальчики		Девушки		Юноши	
	<i>M</i>	<i>F</i>	<i>M</i>	<i>F</i>	<i>M</i>	<i>F</i>	<i>M</i>	<i>F</i>
“Женщина должна быть”	18	22	19	23.5	19	20	16	21
“Мужчина должен быть”	22	18	23.5	16.5	20	18	22	17
“На самом деле я”	16	18	17	17	17	18	19	17
“Хотелось, чтобы я был”	22	20	23	18	20	19	21	17
“Женщины считают, что я”	17	18	18.5	18.5	18	18.5	18	18
“Мужчины считают, что я”	17	21	19.5	18	18	19	19	15

Тематический апперцептивный тест применялся по стандартной процедуре: испытуемому предлагались сюжетные картинки (20 таблиц), по каждой из которых необходимо было составить рассказ; учитывалась временная перспектива (прошлое, настоящее, будущее), мысли и чувства персонажей [6, 7, 10]. При обработке данных анализировали рассказы, составленные по картинкам, используемым для выяснения отношения респондентов к отцу и матери: 1 и 5 (общие таблицы), 6GF, 7GF – для девочек и 6BM, 7BM – для мальчиков. В целях операционализации полученных данных были выделены следующие категории: “отношение к родителям”, “чувства родителей по отношению к ребенку”, “коммуникативные стратегии родителей”.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Для проверки гипотез проводился предварительный анализ результатов, который позволил проконтролировать ряд побочных переменных и обеспечить высокую внутреннюю валидность исследования (табл. 1).

Предварительный анализ данных предполагал сравнение следующих результатов: 1) представление о мужчине и женщине (в частности, об отце и матери) в подростковом и юношеском возрасте; 2) выявление различий между мальчиками и девочками, юношами и девушками по гендерным признакам.

Представление о мужчине и женщине в подростковом возрасте определялось по инструкции

Таблица 2. Количество испытуемых разных возрастных групп (в %), имеющих недифференцированную, маскулинную, фемининную и андрогинную идентичность

Идентичность	Девочки	Мальчики	Девушки	Юноши
Недифференцированная	34	61	35	31
Маскулинная	17	22	18	38
Фемининная	39	17	45	8
Андрогинная	10	0	2	23

ям “Женщина должна быть” и “Мужчина должен быть”. Согласно результатам, в представлении мальчиков женщина должна быть андрогинной, т.е. и женственной, и одновременно мужественной (хотя при этом фемининные признаки существенно превышают маскулинные), а в представлении девочек – фемининной, т.е. преимущественно женственной. Мужчина воспринимается как маскулинный обеими группами подростков. Можно утверждать, что образы мужчины и женщины близки к традиционным представлениям о женщинах как фемининных, а о мужчинах как о маскулинных личностях. В юношеском возрасте образы мужчины и женщины остаются идентичными представлениям подростков.

Основываясь на полученных результатах, можно предположить, что представление о себе у подростков разного пола не будет существенно отличаться от мужских и женских стереотипов. Для прояснения этого вопроса использовались данные, полученные в ответ на вопрос “На самом деле я”. Они показали, что по критерию Манна-Уитни различий между мальчиками и девочками не обнаружено ни по маскулинности ($U = 208.5$, $\alpha = 0.25$), ни по фемининности ($U = 190.5$, $\alpha = 0.12$). Между девушками и юношами различия выявлены только по маскулинности ($U = 367.5$, $\alpha = 0.009$). Количественные показатели фемининности ($U = 511$, $\alpha = 0.37$) одинаковы в обеих группах и не превышают средних значений. В идеале девочки/девушки хотят быть андрогинными, а мальчики/юноши – маскулинными.

В целях получения более дифференцированных результатов осуществлен переход от параметра “гендерный признак” к параметру “идентичность”: проводился кластерный анализ данных по признакам маскулинности и фемининности Я (инструкция “На самом деле я”). В результате процедуры кластеризации были выделены четыре группы испытуемых, соответствующие четырем типам гендерной идентичности: недифференцированная, маскулинная, фемининная и андрогинная (табл. 2).

Таблица 3. Разница в представлениях мальчиков и девочек подросткового и юношеского возраста об оценке мужчинами и женщинами их гендерной идентичности

Группы испытуемых	Гендерная идентичность							
	недифференцированная		маскулинная		фемининная		андрогинная	
	φ^*	α	φ^*	α	φ^*	α	φ^*	α
Девочки	2.43	0*	0	>0.1	2.2	0.01*	1.2	>0.1
Мальчики	1.6	0.05*	1.13	>0.1	0.68	>0.1	0	>0.1
Девушки	2.92	0*	0.2	>0.1	1.3	0.09	0.35	>0.1
Юноши	0.79	>0.1	1.9	0.02*	1.6	0.05*	2.9	0*

* Различия статистически значимы.

С помощью критерия φ^* (угловое преобразование Фишера) были выявлены значимые статистические различия между мальчиками и девочками по недифференцированной ($\varphi^* = 1.8, \alpha = 0.03$) и андрогинной ($\varphi^* = 2.1, \alpha = 0.01$) идентичности, а между юношами и девушками по маскулинной ($\varphi^* = 1.8, \alpha = 0.03$), фемининной ($\varphi^* = 3.5, \alpha = 0$) и андрогинной идентичности ($\varphi^* = 2.9, \alpha = 0$). Согласно полученным данным, различия между мальчиками и девочками вызваны тем, что у большинства мальчиков обнаружена недифференцированная идентичность, которая составляет три четверти выборки, а маскулинная и фемининная отмечается у оставшейся и довольно незначительной ее части; у девочек существенно выражены фемининная и недифференцированная типы идентичности и несколько слабее – маскулинная и андрогинная. При этом следует подчеркнуть, что, в отличие от мальчиков, варианты гендерной идентичности девочек намного более разнообразны и имеют явную фемининную направленность.

Уровень недифференцированности маскулинных и фемининных признаков в мужской группе статистически значимо снижается к юношескому возрасту, что приводит к устранению различий между юношами и девушками по данному типу идентичности ($\varphi^* = 0.3, \alpha > 0.1$). Тем не менее треть всей исследуемой выборки остается недифференцированной по симптомокомплексу маскулинности–фемининности.

По остальным типам идентичности наблюдаются различия: девушек от юношей отличает значительно выраженная фемининная идентичность и деакцентуация маскулинной и андрогинной идентичности. Из этого следует, что к юношескому возрасту представления о себе как о фемининной девушке и маскулинном или андрогинном юноше становятся все более устойчивыми.

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы: первая гипотеза, согласно которой вероятность снижения уровня дифференциации маскулинных и фемининных признаков в подростковом возрасте становится значи-

тельной, подтверждается частично, поскольку эта особенность имеет отношение только к выборке мальчиков ($\varphi^* = 2.01, \alpha = 0.02$). У девочек/девушек недифференцированность маскулинных и фемининных признаков наблюдается лишь у некоторой части выборки, объем которой постоянен и не меняется в разных возрастных группах ($\varphi^* = 0.09, \alpha > 0.1$).

Была подтверждена вторая гипотеза о том, что наиболее явные различия по гендерным признакам между мальчиками и девочками проявляются к юношескому возрасту. Показано, что в подростковом возрасте различия касаются только недифференцированной и андрогинной идентичности, а в период юношества они затрагивают три основных типа идентичности – фемининный, маскулинный и андрогинный. Динамику выявленных различий можно определить следующим образом: мальчики и девочки отличаются друг от друга количеством гендерных признаков, а юноши и девушки их качеством.

Для проверки третьей гипотезы о том, что в представлении мальчиков/девочек, юношей/девушек к более дифференцированной оценке их идентичности по признакам маскулинности–фемининности склонны скорее мужчины, чем женщины, были использованы результаты ответов испытуемых разного возраста на утверждения “Мужчины считают, что я” и “Женщины считают, что я”. Эти результаты сравнивались с данными ответов на утверждение “На самом деле я” (табл. 3).

Результаты эмпирического исследования показывают, что при сравнении представлений испытуемых об их оценке мужчинами и женщинами выявлено семь значимых различий, шесть из которых подтверждают гипотезу о том, что именно мужчины способны к более дифференцированной оценке идентичности.

Методика выявляет не экспертные оценки, а представления о них, однако, как известно, связь между теми и другими, безусловно, существует. В табл. 3 видна разница между мужскими (отцовскими) и женскими (материнскими) оценками не-

дифференцированной гендерной идентичности, причем во всех трех случаях мужчины реже прибегают к подобным стратегиям, чем женщины (в 7% случаев против 31% по представлениям девочек, в 12% случаев против 39% по представлениям мальчиков, в 8% случаев против 24% по представлениям девушек). Наряду с этим мужчины в представлениях юношей чаще, чем женщины (в 62% случаев против 35%), воспринимают их как маскулинных и реже – как фемининных (в 11% случаев против 27%). Девочки считают, что мужчины чаще воспринимают их как фемининных (в 55% случаев против 27%). Оценка юношей как андрогинных, с их собственной точки зрения, более характерна для женщин (15%), чем для мужчин (0%).

Для повышения внешней валидности исследования были использованы результаты, полученные с помощью ТАТ. Анализ данных проводился по трем критериям: “отношение к родителям”, “чувства родителей по отношению к ребенку”, “коммуникативные стратегии родителей”.

По критерию “отношение к родителям” ни в подростковом, ни в юношеском возрасте не обнаружено явной негативной оценки детьми своих родителей. В основном чувства детей по отношению к взрослым позитивны, а поведение отца и матери рассматривается как разумное, целесообразное, поддерживающее или контролирующее. Даже в тех случаях, когда родители принуждают своих детей к различным занятиям (например, к игре на музыкальном инструменте), дети оценивают такое отношение к себе как аффилиативное (“Родители заставляли мальчика играть на скрипке, но потом он скажет им спасибо, будет им благодарен”).

Тем не менее случаи выражения чувства обиды на родителей встречаются. Обида является следствием безразличия родителей и способствует нарастанию взаимного отчуждения, эмоциональной холодности и пустоты. Предпосылкой отстраненной позиции матери и отца могут быть ложные представления взрослых об исключительной важной роли сверстников в жизни их детей и незначительности собственного влияния. Подобные установки приводят к нарушению баланса в отношениях между людьми разного возраста и к замедлению передачи опыта от поколения к поколению. Уровень потребности ребенка в осуществлении спонтанной активности эквивалентен его ожиданиям, связанным с наложением разумных ограничений на такую активность. Если взрослый не выполняет этих функций, возникает угроза повышения внутреннего напряжения, разряжающегося уже не спонтанной, а импульсивной, неконтролируемой активностью.

На основе результатов ТАТ удалось установить, что эмоциональное отношение девочек/де-

вушек и мальчиков/юношей к матери существенно отличается от эмоционального отношения к отцу. У девочек наблюдаются опосредствованные (похожие на триадные) любящие отношения с матерью. Третьим альтернативным объектом выступает не отец, а другая женщина – бабушка, сестра, няня. Позиция матери описывается как примиряющая, поддерживающая, выжидающая, контролирующая. Отец в рассказах девочек либо отсутствует, либо так же, как и мать, выступает третьим альтернативным объектом в отношениях двух персонажей, чаще мужчины и женщины (например, мужа и жены), выполняя функции справедливого судьи.

У мальчиков отношения с матерью носят непосредственный характер и выражаются в смещении эмоциональных переживаний на мать, которая проявляет негативные чувства, вызванные нарастанием сепарационных процессов. Переживания сына практически не описываются, хотя фиксация диадных отношений “мать–сын” может приводить к появлению у мальчика излишней чувственности, к развитию робости и застенчивости. Его отношения с отцом также непосредственны и проявляются в установлении равных, часто дружеских контактов. Отец выступает в роли советчика, наставника, проводника, партнера.

Второй критерий – “чувства родителей по отношению к ребенку” использовался для выявления наличия или отсутствия взаимного эмоционального контакта подростков, юношей/девушек с матерью и отцом. Результаты анализа протоколов ТАТ показали, что независимо от пола испытуемого отношение родителей к детям в целом эмоционально положительное. Однако мать больше жалеет и надеется, выражая пассивные эмоции, а отец любит и проявляет интерес к ребенку, занимая эмоционально активную позицию.

Отличие переживаний отца и матери состоит не только в разных по интенсивности эмоциональных реакциях, но и в предметном характере эмоций. Чувства матери только констатируют наличие проблемы, лишь частично компенсируя ее. Признаками компенсации выступают повышенное внимание к ребенку (более тщательный, чем обычно, уход за ним), частое и обильное кормление, осуществление контроля за отдыхом ребенка, прежде всего за его сном. Статусные возможности отца проявляются в понимании сути проблемы и в поиске способов ее решения. Наиболее благоприятным решением вопроса является обсуждение и организация совместных с ребенком интеллектуальных и практических действий, расширение круга возможностей, нахождение альтернатив.

Иными словами, материнская линия состоит в снятии эмоционального напряжения и в сохране-

нии самооценки ребенка, его внутреннего комфорта, а отцовская – в канализации эмоциональной энергии, в ее конструктивном использовании для достижения поставленной цели. Комплементарность диады “мать–отец” создает основу для развития самостоятельно мыслящей личности, способной использовать опыт родителей в ходе принятия и реализации самостоятельных решений. Нарушение внутрисемейного баланса в пользу материнской линии приводит к повышению уровня фрустрации и нарастанию сверхкомпенсаторных реакций, а его сдвиг в сторону отцовской линии – к ослаблению эмоционального контроля.

Третий критерий – “коммуникативные стратегии родителей” – был выбран для ответа на основной вопрос исследования о влиянии отца на психическое развитие ребенка, в частности на формирование гендерной идентичности. Результаты анализа рассказов ТАТ позволили выделить несколько коммуникативных стратегий, характеризующих мужское поведение.

1. Стратегия прямой передачи готового решения сыну/дочери (“Сын и отец разговаривают; отец думает, что сыну тоже надо подумать; у отца больше опыта, он передает эту мысль сыну, он его любит, они одно целое” – табл. 7BM).

2. Агрессивная стратегия (“Отец–мафиози, с ним шутки плохи, он убьет дочь, так как она ослушалась; отца посадят в тюрьму” – табл. 6GF).

3. Стратегия отчуждения (“Папы нет, он ушел на войну” – табл. 5; “Сын пришел к родителям с просьбой, а они смотрят телевизор и не обращают на него внимания” – табл. 1).

4. Стратегия косвенной трансляции знаний и умений (“Отец – полевой врач, он делает операцию матери, а сын наблюдает за тем, как работает отец” – табл. 8BM; “Двое людей решают вопрос; пожилой человек немножко смеется, но не со злым умыслом, а иронично, с тем, чтобы молодой человек сам нашел ошибку” – табл. 7BM).

5. Стратегия опосредствования диадных отношений (“Отец вмешивается в ссору ...; дочь недовольна этим, выговаривает отцу, но отец убеждает дочь, он деликатный, но твердый человек” – табл. 6GF).

6. Стратегия дифференциации ролей (“Отец говорит сыну о том, как должен вести себя мужчина, он не должен быть слабым” – табл. 7BM).

Выделенные стратегии встречаются в обоих возрастах, однако первые три – чаще в период пубертата, а последние – в период поздней юности.

В отличие от влияния отца, позиция матери состоит в принятии ребенка в целом, переживая за которого она лишь констатирует наличие проблемы, не всегда решая ее. Типичными материнскими стратегиями являются:

1. Безусловное принятие своего ребенка (“У сына проблема, мама успокаивает его, все будет хорошо” – табл. 6BM).

2. Помощь в установлении добрых отношений сына/дочери с другими людьми (“Мама пытается примирить старшего сына с братом и сестрой” – табл. 7GF).

3. Контроль за поведением сына/дочери (“Мать строго следит за ребенком, проверяет его, делает ли он уроки, но ругаться не будет, она добрая” – табл. 5).

В целом анализ результатов, полученных с помощью ТАТ, позволил подтвердить данные Миф о том, что женская (материнская) позиция состоит в осуществлении интегративной синтезирующей функции, а мужская (отцовская) – в дифференциации и сопоставлении особенностей ситуации с возможностями ребенка, в реализации аналитических стратегий.

Обсуждая полученные результаты, обратимся к трем сформулированным нами гипотезам и соотнесем их между собой.

Согласно первой гипотезе, у подростка наблюдается снижение дифференциации признаков маскулинности и фемининности, вызванной появлением негативного отношения к новой телесности. Наиболее явные гендерные различия между мальчиками и девочками проявляются позднее, т.е. к юношескому возрасту (вторая гипотеза).

Действительно, результаты исследования показали, что отличие подростков от старших возрастных групп состоит в неспособности оценить себя по признакам маскулинности–фемининности, поскольку половина мальчиков и девочек (по сравнению с одной третью юношей/девушек) имеют недифференцированную гендерную идентичность. Значительное число попавших в эту группу мальчиков указывает на гетерохронность развития подростков разного пола. Связывая слабую дифференциацию гендерной идентичности с особенностями пубертата, мы учитывали результаты, полученные по Тематическому апперцептивному тесту: при описании персонажей, с которыми идентифицируется испытуемый, любая информация, связанная с их телесными особенностями, выражается в ироничной форме или просто опускается. Это значит, что диффузность идентичности во многом объясняется отрицательным отношением девочек/мальчиков к своим физическим особенностям.

В период юношества происходит принятие гендерной идентичности (для девушек – фемининной, для юношей – маскулинной), соответствующей биологическому полу либо не соответствующей ему. Во втором случае наиболее проблемными оказываются фемининные юноши. Одна третья часть выборки девушек/юношей остается недифференцированной по признакам

маскулинности–феминности, что, с нашей точки зрения, может быть обусловлено двумя причинами. Первая из них заключается в том, что неспособность категоризировать себя в терминах гендерных признаков вызвана нарушением процесса формирования гендерной идентичности травматического характера. Вторая причина определяется особенностями развития подростка, в частности динамикой физического и полового созревания, а также неспособностью к рефлексии, самопознанию и самопониманию.

У подростков существуют устойчивые представления о мужчине (отце) как маскулинном субъекте и женщине (матери) как фемининной личности. Но разрешение их собственных проблем, связанных с диффузной идентичностью, нельзя объяснить тем, что представление ребенка о противоположности полов, которое он может зафиксировать с помощью перечня гендерных черт, прямо влияет на его Я. Само по себе взросление (жизненный опыт, знания) является необходимым, но недостаточным фактором, объясняющим происходящие с ребенком метаморфозы. В качестве существенной детерминанты окончательного принятия маскулинной, фемининной или андрогинной гендерной идентичности следует назвать специфическое влияние отца на внутренний мир подростка.

В соответствии с третьей гипотезой мы предположили, что в представлении мальчиков/девочек, юношей/девушек мужчины склонны к более дифференцированной оценке их идентичности по признакам маскулинности–феминности, чем женщины. Полученные нами результаты позволили подтвердить выдвинутую ранее гипотезу и выделить механизмы влияния отца на детей разного пола и возраста.

В исследовании показано, что девочки/девушки устанавливают опосредствованную связь и с отцом, и с матерью. При условии участия третьего объекта женского пола (бабушки, сестры и т.д.) диадные отношения с матерью трансформируются в триадные. Триадные отношения с отцом приобретают более сложный и прогрессивный характер, включая объект мужского пола – брата, мужа и др. Сугубо защитное, оберегающее поведение матери, не склонной оценивать дочь в терминах мужественности–женственности, компенсируется откровенной позицией отца. С точки зрения 13–14-летней девочки, именно отец подчеркивает ее женские черты, усиливая их в отношениях с партнерами противоположного пола. К 18–19-летнему возрасту различия между отцом и матерью в восприятии своей дочери сохраняются лишь частично и касаются недифференцированной гендерной идентичности. Это свидетельствует о существовании матерей, которые остаются нечувствительными к проблеме дифференци-

ции половой идентичности своих дочерей, что, по-видимому, обусловлено несколькими причинами. Одной из них является индифферентное отношение матери к дочери, другой – чувство ревности, зависти, соперничества.

У мальчиков/юношей отношения с обоими родителями приобретают непосредственный характер и строятся по типу диады. В период пубертата различия в оценках отца и матери отмечаются только по недифференцированной гендерной идентичности. Объяснением служит тот факт, что темпы развития мальчиков замедленны по сравнению с развитием девочек, и именно поэтому акцентуация у них маскулинных черт может быть еще не востребована. Тем не менее определенность позиции отца состоит в том, что, отказываясь оценивать своего 13–14-летнего сына как явно маскулинного, он одновременно не склонен считать его недифференцированным по признакам маскулинности–феминности. Скорее наоборот, отец (в отличие от матери) формирует у сына черты мужественности, возможно не имея реальных доказательств наличия их предпосылок. В период раннего пубертата мальчики воспринимают себя крайне диффузно, и сила отцовского влияния состоит в распознавании зачатков мужских черт и элементов мужского поведения и их подкреплении. К юношескому возрасту различия в оценках матери и отца становятся наиболее явными. Контрастность мужских оценок заключается в том, что по сравнению с матерью, которая находит у юноши много женских черт, отец воспринимает его как однозначно маскулинного.

Обобщая полученные нами результаты, следует выделить механизмы отцовского влияния на гендерную идентичность подростка и юноши/девушки.

Существует мнение, что роль отца в развитии девочки состоит в подкреплении ее связи с матерью [2]. С нашей точки зрения, влияние отца на формирование гендерной идентичности дочери проявляется в запуске обратного процесса – механизма разотождествления с матерью, необходимость которого вызвана усилением тесных симбиотических отношений матери и дочери при наличии третьего альтернативного объекта женского пола. Подобная триада (например, «дочь–мать–бабушка») существенно ограничивает возможности получения нового опыта, фиксируя возрастную иерархию отношений, не акцентируя элементов женственности. Отец является проводником к ранее недоступной для девочки информации, активно поддерживает дочь в построении новых отношений, прежде всего с людьми противоположного пола. Чувства ревнивого и одновременно гордого родителя подчеркивают амбивалентность его роли, направленной на расширение опыта и защиту суверенности девочки.

С возрастом различия в оценках девушки отцом и матерью постепенно стираются. В этом единстве взглядов видится большая заслуга отца, продолжающего поддерживать женскую линию в развитии девушки. Механизм поддержки феминности состоит в том, что тенденция матери воспринимать свою дочь просто как ребенка нивелируется отцом, который перестраивает транслируемые матерью диффузные роли в гендерные.

Взаимоотношения отца и сына строятся на принципиально иных основаниях. Отец не препятствует отношениям матери и сына, но значительно перестраивает их. Менее явно эти действия присутствуют в подростковом возрасте, когда отец моделирует ситуации, в которых успешность сына определяется уровнем его мужественности, т.е. тем, что по существу у него отсутствует. Механизм развития подростковой маскулинности состоит в актуализации проекции черт мужественности на мальчика. Субъектом такой проекции выступает отец. К юности дифференциация маскулинной и фемининной гендерной идентичности усиливается в первую очередь потому, что проективное поведение отца замещается действиями, реализуемыми совместно с сыном. Накопление маскулинного опыта осуществляется в диалоге с матерью, реструктурированном отцом. Отец не нарушает связи матери с сыном, он трансформирует ее в новые отношения – в диалог матери и взрослого сына-мужчины, контролируя и поддерживая его действия в ходе апробации мужского поведения, направленного на решение проблем. Позднее накопленный юношей опыт переносится на собственные семейные и профессиональные отношения.

Важно отметить, что в полученных нами результатах не представлена негативная роль отца. Отдельные, несоизмеримо малые (по сравнению с большим объемом данных) оттенки деструктивного поведения мужчины не смогли изменить в целом благоприятного впечатления от складывающихся внутрисемейных отношений. Это значит, что роль отца в психическом развитии ребенка действительно крайне существенна и одновременно настолько виртуозна, гибка и подчас неуловима, что ни методы наблюдения, ни анкеты, ни интервью не способны обнаружить глубину отцовского влияния на ребенка. Более того, существующие в обществе стереотипы относительно мужчины-родителя, подчас искажают и нивелируют его роль в воспитании ребенка. Конечно, негативная сторона детско-родительских отношений велика; она заметна по большому количеству обращений родителей к психологу, но, существуя как проблема, она еще раз доказывает жизненность обратного – положительного влияния отца и матери на жизнь ребенка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В исследовании, проведенном на большом эмпирическом материале, показано, что приоритетной темой современной психологии развития является проблема дефицита отношений мать–дети. Хронический характер этой проблемы объясняется ее сложностью, с одной стороны, и неадекватным ракурсом рассмотрения, с другой. Д. Винникот писал, что “нет такой вещи, как младенец”, – ребенка следует рассматривать во взаимодействии со взрослым, в первую очередь с матерью. Отметим, что это взаимодействие предполагает участие и отца. Опосредующее влияние отца выражается в дифференциации коммуникативных, ментальных и поведенческих стратегий объекта воздействия, прежде всего стратегий сына или дочери.

Общетеоретические положения данной работы нашли отражение в конкретной проблеме гендерной идентичности. Сформулированные гипотезы о дифференциации, динамике и оценке гендерных признаков подростка и юноши отцом и матерью были проверены и подтверждены с помощью проективных и полупроективных методов исследования. Результаты показали, что в подростковом возрасте наблюдается слабая дифференциация гендерных признаков. В период юности акцентуация маскулинных и фемининных признаков идентичности значительно возрастает и становится специфичной для людей разного пола. Значительную роль в этом процессе играет отец. Механизмы воздействия отца на детей разного возраста и пола неодинаковы. В отношениях с девочками/девушками отец реализует стратегии разотождествления дочери с матерью и механизм поддержания феминности. В коммуникации с мальчиком/юношей отцовское влияние обнаруживается в проекции на сына черт мужественности и в реструктурировании отношений сына с матерью. Диада “мать–сын” рассматривается отцом как адекватное психологическое пространство, в рамках которого возможно первоначальное накопление маскулинного опыта.

Разнообразие и специфика эмоциональных отношений сына/дочери с матерью/отцом создает оптимальный аффективно-потребностный фон, благоприятствующий реализации материнских и отцовских функций. Отсутствие необходимых для развития ребенка родительских ресурсов ограничивает возможности функционирования каждого из участников этого процесса – самого ребенка, отца и матери.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Балинт М.* Базисный дефект: терапевтические аспекты регрессии. М.: Когито-Центр, 2002.

2. *Баттерворт Дж., Харрис М.* Принципы психологии развития. М.: Когито-Центр, 2000.
3. *Бержере Ж.* Психоаналитическая патопсихология: теория и клиника. Серия "Классический университетский учебник". Вып. 7. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2001.
4. *Кляйн М., Айзекс С., Райвери Дж., Хайманн П.* Развитие в психоанализе. М.: Академический проект, 2001.
5. *Кохут Х.* Анализ самости: систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности. М.: Когито-Центр, 2003.
6. *Леонтьев Д.А.* Тематический апперцептивный тест. М.: Смысл, 1998.
7. *Реньге В.Э.* Методика Тематического апперцептивного теста (ТАТ) // Психология общения. Рига, 1979. С. 33–66.
8. *Сергиенко Е.А., Виленская Г.А.* Роль темперамента в развитии регуляции поведения // Психол. журн. 2001. Т. 22. № 3. С. 68–85.
9. *Сергиенко Е.А., Виленская Г.А., Рязанова Т.Б., Дозорцева А.В.* Близнецы от рождения до трех лет/Под общей ред. Е.А. Сергиенко. М.: Когито-Центр, 2002.
10. *Соколова Е.Т.* Проективные методы исследования личности. М.: МГУ, 1980.
11. *Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В.* Судебная сексология. Руководство для врачей. М.: Медицина, 2001.
12. *Шторк Й.* Психическое развитие маленького ребенка с психоаналитической точки зрения // Энциклопедия глубинной психологии. Т. II. Новые направления в психоанализе. Психоанализ общества. Психоаналитическое движение. Психоанализ в Восточной Европе. М.: Когито-Центр – МГМ, 2001. С. 134–198.
13. *Cleveland E.S., Reese E.* Maternal Structure and Autonomy Support in Conversations About the Past: Contributions to Children's Autobiographical Memory // *Developmental Psychology*. 2005. Mar. V. 41(2). P. 376–388.
14. *Eisenberg N., Valiente C., Morris A.Sh., Fabes R.A. et al.* Longitudinal Relations Among Parental Emotional Expressivity, Children's Regulation, and Quality of Socioemotional Functioning // *Developmental Psychology*. 2003. Jan. V. 39(1). P. 3–19.
15. *Jenkins J. M., Rasbash J., O'Connor T.G.* The Role of the Family Context in Differential Parenting // *Developmental Psychology*. 2003. Jan. V. 39(1). P. 99–113.
16. *Peterson C., Roberts Ch.* Like Mother, Like Daughter: Similarities in Narrative Style // *Developmental Psychology*. 2003. May. V. 39(3). P. 551–562.
17. *Conwell M.J., Mize J., Pettit G.S., Laird R.D.* Contextual Determinants of Mother's Interventions in Young Children's Peer Interactions // *Developmental Psychology*. 2002. Jul. V. 38(4). P. 492–502.

FATHER'S ROLE IN GENDER IDENTITY DIFFERENTIATION

N. E. Kharlamenkova

Sc.D. (psychology), leading research assistant of Psychological Institute of RAS, Moscow

The role of father in gender identity forming is analyzed. It is shown that male's influence in notion of adolescents and youths is displayed in giving the subject's undifferentiated perception on the basis of masculinity and femininity up. Unlike mother, father tends to take boy and youth, girl and young girl as masculine and feminine person, correspondingly. Nature of mutual emotional appraisals of grown ups and children, mother's and father's communicative strategies as well as mechanisms of father's influence on gender identity of child are discussed.

Key words: gender identity, masculinity, femininity, androgenity, undifferentiability, mother, father.